

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».
М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

21.03.2012

№4 (12) Март 2012 года

Лента новостей

✓ С конца февраля и весь март всяк, вошедший в фойе андреапольской библиотеки, задерживает взгляд на стенах. В очередной раз здесь представлены выставочные работы известного в нашем городе и области художника Павла Урсу. Выставка названа «На берегах Двины». Вы можете любоваться «Половодьем», утренним видом реки, предзакатными её часами.

Представлена на картинах жизнь нашего городка и его окрестностей, присутствует и портрет. Урсу себя портретистом не считает, но выставленная им работа «Диамид. Житель деревни Озерцы» выдаёт руку мастера.

✓ 14 марта третий раз в России прошел День православной книги. В библиотеке это событие нашло отражение в выставке «Перекрёсток духовности». Читатели могли не только рассмотреть и выбрать для будущего прочтения книги в стеклянной витрине, но и спокойно посидеть в уютном уголке, оборудованном для этих целей в фойе, полистать газеты, например, «Верхневолжье православное», «Нелидовский благовест», журналы и брошюры на тему.

✓ Библиотека – место, где книгу учат беречь и хранить. А что делать со старыми газетами и журналами, например, потребность в которых отпала? Превратить их в элегантные плетёные вазы и кувшины научила читательниц Татьяна Михайлова. Воплощать отживший модный глянец в нужные вещи она научилась самостоятельно по Интернету. По просьбе работников библиотеки Татьяна провела два занятия. Ещё одно состоится для сельских библиотекарей на одном из семинаров. Работает Татьяна продавцом. Но увлечений имеет множество.

• Встречи

Дух поэтического братства

В прошлом номере мы сообщали о выступлении перед читателями ЛИТО «Межа» из города Нелидово.

Сегодня мы знакомим вас с их творчеством (стр. 4-7).

На снимках: представители «Межи» (вверху), стихи читает Елена Иванова (слева), внимательные слушатели (внизу).

• Размышления о прочитанном

СЕВЕРНЫЙ БОККАЧЧО

По мнению современных писателей, творчество Владимира Личутина входит в десятку лучшей современной литературы и он, по их же мнению, «явно до сих пор недооценённый писатель». Прежде я не знакома была с такой оценкой, но читала его произведения с интересом.

Писатель родился и долгое время жил на побережье Белого моря. Поэтому приволье и причудливость северной природы, нравы и суровая повседневность старинного поморского народа лежат в основе его творчества.

В произведениях присутствуют северный фольклор, легенды, сказки, приметы, богатство языка – и всё это придаёт его творчеству особую колоритность, а вместе с тем и фантастичность. А его герои находят в этом утешение и красоту.

Личутин, можно сказать, своеобразный хроникёр поморской жизни. Работа души его героев восходит к вопросам странностей национального характера, веры православной, языческой, старообрядческой, веры в коммунизм и перестройку. Об этом романы «Леди Ротман», «Раскол», «Река любви».

Новое произведение «Река любви» (2010 г. Литературная Бунинская премия) – достижение непостижимого. В основе сюжета десятидневное путешествие молодого журналиста, прилетевшего в Кучему за положительным сюжетом. В путешествие по северной суровой реке Кучеме берёт его на родину своих предков главная героиня рыбачка Полина, по прозвищу Королишка. Но путешествие универсально тем, что насыщено реальными и мифологическими сюжетами. В романе два центральных образа: это река Кучема, языческая богиня, и Королишка, женщина-поморка, последняя из рода волотов-богатырей.

Река – центр притяжения. На ней растут, живут, влюбляются, вспоминают, ей доверяют помыслы, просят защиты. Она влечёт и весь природный мир, и жителей северной деревни, и гостей. Деревня, вроде, никогда и не спала, а жила, подчиняясь реке, подпадая под её власть. С её неуёмным характером связаны проблемы рождения и смерти, поиска несметных богатств, и, конечно, любви и рая. И потому действие в романе происходит в летнее райское время.

Главная героиня обращается к реке с поясным поклоном. С благоговением оmyвает своё тело её водами. Королишка росла, любила, мучилась вместе с рекой. Фигура мощная и колоритная, она непревзойдённая рыбачка, знающая каждый порог, каждую отмель и изгиб своей реки-кормилицы. На которой с закрытыми глазами могла протиснуться по единственной узкой протоке меж камней, стать с ней одним целым. Именно она называет Кучему рекой любви. Оглашенная и Богом удивлённая Королишка в своей жизни перебрала много мужиков («как на попрошайке вшей») для того, чтобы родить сына, богатыря-волота. И на седьмом десятке не перестаёт мечтать об этом. А сына Викентия волотом не может считать и отношения с ним не поддерживает. Ибо она дочь Кучемы и наследница легендарного отца, звавшего себя Королём северных рек, а сын стал казённым человеком рыбнадзора, реку не любившим и не знавшим, осквернившим плевком её хрустальные воды.

Здесь, на реке любви, протекли у Королишки реки слёз.

Удался ли молодому журналисту сюжет о положительном герое, прочтите и решите сами.

Александра Хребтова

Суббота

ЭССЕ

Начало 60-х прошлого века. Старинный русский город Муром. Мне три или четыре года. Суббота. Почему знаю, что суббота? Очень просто. У нас в семье это всегда был день домашней уборки. А значит, из радиоприёмника “Ригонда” льётся музыка, и отец – молодой, сильный и весёлый – босой, с закатанными до колен штанами, шваброй “драит палубу”. Силён флотский навык! Когда он матросом служил срочную службу, у них на эскадренном миноносце “Скромный” тоже по субботам авралы были.

А мать занята стиркой. Меня же, чтобы не путался под ногами, загоняют с игрушками на оттоманку – диван такой широкий с жёсткими подушками возле стены. Но когда пол вытерт насухо, я оставляю свои игрушки и опрометью слетаю со своего временного убежища. Ведь начинается самое главное – стелются половики. А значит, будет “качка”. Правда, сначала приходится поканючить, поупрашивать, чтобы покачали. Вот сердца родителей смягчились, и я радостный, в предвкушении острых переживаний, ложусь на половик, папа и мама берутся за его концы, приподымают вместе со мной, и осторожно начинают раскачивать меня из стороны в сторону, словно в люльке. Моё сердце хоть и замирает от страха, но прошу качать сильнее. Отец при этом поясняет о количестве баллов “разыгравшегося шторма”. Но вот они устали, половик бережно опускается на пол, и меня бесцеремонно просят удалиться. Но со следующим половиком, к моей радости, всё повторяется.

Затем происходит “постановка парусов”. Мать приносит таз с отжатым постельным бельём, и они с отцом начинают развешивать его на заранее натянутых верёвках. Комната тут же “делится на отсеки”, и наполняется белизной и прохладной, влажной свежестью далёкого северного отцовского моря. Воображение моё разыгрывается, и вот я уже на палубе парусника. Папа назначает меня юнгой, бодро командует: “Отдать швартовы!”, и, подхватив меня на руки, несёт в ванную, где уже набирается вода из титана, в печурку под которым и я недавно помогал папе подкидывать небольшие полешки. С радостным верещанием опускаюсь в тёплую воду, где меня уже ждёт моя пластмассовая лодочка и резиновые игрушки: попугай и уточка. Дав немного поиграть с ними, папа затем моет меня. Скатывает прохладной водой, вытирает и, укутав в махровое полотенце, с неизменным пожеланием: “С лёгким паром!”, относит меня на оттоманку.

А с кухни уже несётся аромат пирогов с разнообразной начинкой: с яблоками, с капустой, с рисом и яйцом. Наконец я одет и причёсан. И мама приносит тарелочку с ещё тёплыми пирожками. И традиционный стакан вишнёвого компота – моего любимого – с косточками. Ведь так здорово - набрать целый рот вишен, разжёвывать их и постепенно выплёвывать на блюдце, о которое они так весело цокают!

И тут по радио звучит известная песня в исполнении Рыбникова из кинофильма “Весна на Заречной улице”. Светлая печаль охватывает меня, глаза туманятся. И я не могу удержаться – плачу. Я всегда маленький плакал, слушая её, особенное умиление вызывали слова: “И вот на этом перекрёстке с любовью встретился своей...”. Любовь.... Уже тогда маленьким сердцем чувствовал, что за этим словом скрывается величайшая, притягательная и сладкая, мучительная до слёз тайна. Словно предчувствовал свою судьбу. Предчувствовал: и встречу с любимой, и с нечто много-много большим. Сейчас бы я сказал – с Богом.

Славные, далёкие годы! Впереди была вся жизнь нашей семьи, со всеми её радостями и горестями. И вот уже нет родителей. Осиротели мы с братом в эти последние лихие годы. На всё Твоя воля, Господи! Как бы то ни было: я безмерно благодарен Тебе за всё пережитое, и особенно за те счастливые мгновения детства на древней владимирской земле. Те годы не предали меня, в отличие от нынешних, лукавых. Более того, они остались спасительным островком в памяти. Они не дают поверить и принять окружающую действительность. Они смело обличают всю её ложь. А значит, эта действительность - обречена. И её неминуемо ждёт судьба мыльного пузыря. Ведь она, по сути – не настоящая, вернее, не стоящая и минуты детства.

Валерий Трофимов,

д. Луги

• Гости клуба

Виктор Голубев

Не по грибы, не на охоту,
Я – пошуршать листвою,
Покушать клюкву на болоте,
Поговорить с собой.

Полюбоваться позолотой,
Нарисовать пейзаж
И с муравьиною заботой
Построить свой шалаш.

Укрыться в нём от непогоды
И вспоминать о том,
Что не был очень добрым вроде,
Что не дружил со злом.

Не слыл любимчиком Фортуны,
Не отставал ни в чём,
Не рвал любви чужие струны,
Не бил с плеча мечом.

Я докатился до житухи –
Брожу в лесу один,
Себе и раб я вислоухий,
Себе и господин.

Раиса Земскова

Я отдаю тебя другой
Без тени всяких сожалений.
Путь, предначертанный судьбой,
Был нами пройден. Без сомнений.

Ты был мне музой и звездой,
Блаженством был и упоеньем,
Прекрасной песней и мечтой,
И настоящим вдохновеньем.

Ничто не вечно под луной...
Но неужели всё не вечно?
Я отдаю тебя другой,
Чтоб жил во мне ты бесконечно.

Наталья Ковалёва

АПРЕЛЬ

Ручейки на улицах,
и звенит капель.
Никуда не денешься –
за окном апрель!
Треплет ветер волосы.
Ну и пусть!

Отчего же на сердце
эта грусть?
Оттого, быть может,
что пришла зима,
Хоть мне не по нраву
метелей кутерьма.
Сердце растревожила
звонкая капель.
Никуда не денешься –
на душе апрель!

Валентина Пыжсыянова
ВИНО ПОЭЗИИ

Давно в крови бродило
Зелёное вино.
И вот, набравши силы,
Меня пьянит оно.
Сильнее сердце бьётся,
Стал дорог день и час.
А мысль на волю рвётся,
Чтоб взволновать и вас.
Хочу красивым словом
Вам души врачевать,
Поэзии покровом
Вас нежно согреть.
Друзья, пусть вам отраду
Несёт строка моя!
А большей и не надо награды для меня.
И пусть играет пеной
Волшебное вино,
Способствуя обмену
И мыслей заодно.

Владимир Монахов

СНЕГИРИ

Лучился путь дорогой снежной,
Был чудный праздник при дверях.
Вдруг я услышал посвист нежный -
Хор снегорей пел на ветвях!
Мороз крепчал, я торопился,
Но не посмел идти быстрей:
Смотрел, как огненно светился
Наряд пухлатых снегорей.
Они, как будто бы, впитали
Жар угасающей зари.
Так Рождество они встречали -
Творенье Божье - снегири.

• Гости клуба

Петр Бобунов

У него своё творческое лицо, свой поэтический почерк.

Стихи печатались в районных и областных газетах, альманахах Каблуковских литературных встреч.

* * *

Как здорово – не знать конца,
Тогда надеешься успеть.
Звенит на отмахе коса,
Ей всё равно, по ком звенеть.
Звон слышу – значит не меня.
Ещё на сколько передых?
Но больно колется стерня
На месте близких и родных.

* * *

Я видел: падала звезда –
Сверкнув, угасла на окраине.
Я понимал: стряслась беда,
Но всё же загадал желание.
Нет, я совсем не эгоист –
Примета есть в миру такая.
Когда моя сорвётся вниз –
Пусть кто-то тоже загадает.

* * *

А грязь весенняя, весёлая,
Остатки снега, как маразм,
Что существа мы разнополюе,
Все вспоминают как-то разом.
И ходит молодёжь вразвалочку,
Товар – лицом и всяким прочим.
У стариков крепчают палочки
В руках от этих заморочек.
Сок бескорыстно льют берёзы –
Прощай, мол, авитаминоз,
И слово гадкое «артрозы»
Сменяет сладкое «взасос»!
Весна солидно и весома
Блондинкой слева подкатила,
Я не болею Паркинсоном,
А тут вот вдруг заколотило!

* * *

Вы придёте на рассвете –
Лучик золота на чёлке
Поразит меня, конечно,
(В этом будет много толку)
Это станет самым главным
В этот день на целом свете.
Да! Да! Да! Но если только
Вы придёте на рассвете.

* * *

Апрельский воздух пряный
Всё делает возможным:
Становишься моложе
И хочется летать.
Вот-вот взмахнёт руками
Какой-нибудь прохожий,
Взлетит над облаками
И станет щебетать.

* * *

К чему прощаться, время разведёт и так,
Не спрашивая, не предупреждая.
Скажу с усмешкой гордой – не беда!
А изнутри кольнёт: ещё какая!!!

* * *

Из глины делая Адама,
Создатель не подозревал,
Как по душе придётся дамам
Пластичный этот материал.
Его искусство – детский лепет
В сравненьи с женскою фантазией:
Они ж из нас такое лепят! –
Глаза б у Бога повылазили.

* * *

Свободу дали в руки нам –
Как хошь, так и крути.
Страна моя Гадюкино –
Дожди, дожди, дожди.

* * *

Туда уйду – и всё узнаю,
Но ничего не сообщу –
Какой резон звонить из рая,
Когда найду, всё, что ищу.
А не найду – делиться с вами,
Тем более, нет смысла в том.
В конце концов, придёте ж сами,
И всё увидите. Потом.

• Гости клуба
Игорь Столяров

Его стихи отличаются афористичной точностью, от светлой лирики он поднимается до глубоких философских обобщений. Стихи известны в Нелидове и области.

* * *

Мы закованы в безответность,
Недосказанность, неизбежность.
За молчаньем хороним честность,
В хамоватости прячем нежность.
Мы устали от лжеелея,
Пустословьем друг друга душим,
И, за брэнность тела лелея,
За бессмертье сжигаем души.
Нашу плоть иссушает время,
А свободу сжигает город,
Возвышаясь над всем и всеми,
Утоляет бездушьем голод...
Сбереги же, Святой и Правый,
В тяжкой битве со зверем-веком.
Средь наветов и ложной славы
Дай свой путь пройти человеком...

* * *

День за окнами манит светом.
Но, больною красой объят,
Там неистовым пустоцветом
Догорает вишнёвый сад.
И его уберечь не в силах
Караулы у Царских врат –
Стаи стражников белокрылых,
Что над нами давно трубят.
Невдомёк даже им, наверно,
Что в нечеховской пьесе ждёт
Мир созданий несовершенных,
Чьим деяньям ведётся счёт.
Да воздастся не по доходам,
А по щедрой живой душе,
Епиходовым в переходах
И лопахиным на «Порше»!..

* * *

Пусть сокрушаются вселюдно,
Что мы давно легли на дно:
Я не боюсь, что будет трудно,
Боюсь, что будет не смешно.

* * *

Мне приснилось: как и прежде,
Люди строят коммунизм.
Сквозь лохмотья в их одежде
Виден голый оптимизм.

* * *

У Лукоморья сосны чахнут,
И не поёт уж соловей.
И до того там Русью пахнет –
Русалка падает с ветвей!

* * *

С сединой растут запросы
На газету и кровать,
Так как многие вопросы
Не решаются вставать.

* * *

Что за злые катаклизмы:
Я пошёл не в мать с отцом,
А в модель социализма
С человеческим лицом.

* * *

Чертит мечом горения
Звезда с небесных ворот.
Ты мне скажешь: «Падение»,
Я прошепчу: «Полёт»,
Спрячусь в сомнений чаще.
Сквозь суету и быт
Ты позовёшь: «Пропаций»,
Я улыбнусь: «Забыв»,
Нет на душе равновесия,
С разумом в ссоре вновь.
Горько вздохнёшь: «Депрессия»,
Я промолчу: «...».

* * *

За окном туманно-мокрый снег.
На пороге – март-перволюбовник.
Он придёт к нам чистый, обновлённый,
Оживить седой уставший век.
Как бы я хотел таким же стать,
Быть таким же вечно юным, новым,
Чтобы каждой мыслью, каждым словом,
И, навек исчезнув, воскресать.

• Мы помним вас

С доброю душою, сердцем откровенным

В Интернетсетях случается такое: вдруг нечаянно выходит на тебя кто-то из давнего прошлого, живущий далеко от гнезда, которое давным-давно оставил, и начинается общение.

Кто в этот раз на кого вышел, уже и не помню? Фамилия оказалась знакомой – Казекин Владимир из Тольятти. Был с такой нечастой фамилией начальник Жуковского лесочастка, стихи писал, но нет его уже в живых. Интернет знакомому было 60. «Брат, наверное», - подумалось мне. Обменялись несколькими ни к чему не обязывающими фразами. И вдруг...

«Папа очень любил стихи. У меня сохранились видеозаписи, как он читал стихи».

Значит, сын, а не брат, а Казекин старший казался куда моложе. И вот что зацепило - почуялась мне в этих сдержанных мужских строчках затаённая боль, желание исправить, доделать что-то упущенное. И новое сообщение:

«Мне очень хотелось бы написать вам, как папа увлёкся поэзией, но не могу ничего вспомнить. Я уехал от родителей в 15 лет, когда закончил в Жукове 8 классов. И после приезжал к ним только погостить на короткое время. Не помню даже, когда он первый раз прочитал мне свои стихи. Мне они казались неинтересными, и вообще я мало в этом понимаю».

А что я знаю об этом человеке? Помню, как приносил он в редакцию свои стихи, протягивал листочки всегда как-то стеснительно, будто извиняясь. Открыла маленький сборничек стихов андреапольских поэтов: «Михаил Александрович Казекин родился в 1927 году в деревне Глыбочка Брянской области в крестьянской семье. До выхода на заслуженный отдых работал в Андреапольском леспромхозе. С детства пишет стихи. С 50-х годов природа Жуковского края вдохновляет его на поэтические строки». И три стихотворения. А тут подоспело новое сообщение сына:

«Знаю, что это увлечение отнимало много времени, и мама была очень недовольна. Каждый раз, когда он предлагал послушать своё творчество, я снимал на видео. Моё увлечение съёмкой было сравнимо с его увлечением стихами».

«Фотографироваться он любил. Но всегда просил не снимать его в домашней одежде, поэтому могу предложить вам мой видеоархив».

Я уже поняла, что переписку необходимо обнародовать, и теперь она продолжалась при обоюдном интересе. Вот все сообщения Владимира, сына Михаила Александровича Казекина:

«Мы с папой немного разные. Меня больше интересовали точные науки – математика, физика. Я окончил Ленинградский электромеханический техникум, сын - Московский физико-технический институт».

«Не помню, чтобы у папы было много книг со стихами. Больше наши беседы касались военного времени. Скорее всего, потому, что эта тема меня больше интересовала».

«Папа очень любил природу и все, в основном, стихи о природе. Лесной промышленности он посвятил всю свою жизнь. Окончил Трубочевский лесной техникум, Ленинградскую лесотехническую академию и ещё несколько гуманитарных ВУЗов заочно. Я очень гордился своим отцом, но так получилось, что он всегда был далеко от меня. И только короткие встречи во время отпуска давали возможность пообщаться».

Вот и всё. И три стихотворения в сборнике. Остальные, похоже, не сохранились.

Вспомнился недавний разговор с одним из братьев по перу. Говорили о Юрии Михайловиче Мотре.

- И откуда такие люди берутся? – дивился знакомый.- Из маленькой глубинной деревни, на гитаре играть сам научился, музыку сочиняет. И годы уже солидные, а он всё что-то ищет. Придумал теперь этот дуэт с самим собой на два голоса, на магнитофон записал.

- Он ведь от жены в бане прятался, когда музыку свою писал, не понимала она его увлечения, блажью считала, - подхватил кто-то разговор.

И действительно, откуда они такие берутся? Из каких-то Глыбочек? Не хотят жить хлебом единым, и всё тут. Не о деньге думают, о прекрасном. И уходят, не оставляя иногда и трёх стихотворений. И не их в том вина. Наша. Не сохранили. Не заметили. Не посчитали нужным.

В этом номере мы публикуем стихотворения Михаила Казекина. Прочтите их внимательно. Не придираясь к техническим несовершенствам. Просто попытайтесь увидеть душу человека. Он так похож на своего лирического героя, «с доброю душою, сердцем откровенным».

А мы с этих пор заведём постоянную рубрику «Мы помним вас», где ещё раз перелистаем стихотворные и прозаические страницы тех, кого с нами уже нет.

Маргарита Петрова

Михаил Александрович

Казекин

1927-2005

Партизанская землянка

Землянка у речки Чёрной
Под ветхим накатом стоит.
Деревья к ней гнутся скорбно...
О чём же она говорит?

- Спасала бойцов я в морозы,
Здесь был боевой их причал.
Защитой служила им в грозы,
Здесь раненых доктор спасал.

Я грела печуркою тесной
Лихой партизанский отряд.
Отряд, всей округе известный,
В сраженьях не знавший преград.

И время со мной коротали
Бойцы, и грустили в тиши,
И мирные дни вспоминали,
Дымя самокруткой в ночи.

Теперь я стою одиноко,
Взирая на речку и даль,
И слышу журчанье потока,
А он лишь наводит печаль.

Зайдите бойцы ветераны,
И вспомните юность свою.
Я знаю, болят ваши раны,
Но всё-таки будьте в строю.

Свидание

Над притоком Волги, Жукопой речушкой,
Над деревней Горка облака плывут.
По утрам и вечерам иволги-пичужки,
Заливаясь трелями, радостно поют.

И берёзы белые на лесной опушке
Тихо шепчут листьями белым тополем:
- Ждёт давно свидания милая подружка
И грустит под кронами здесь по вечерам.

Поработав вдоволь, зорькою вечерней
С песнею весёлой паренёк идёт.
С доброю душою, сердцем откровенным
Под ветвями тополя любимую найдёт.

Владимир Юринов

Корней

РАССКАЗ

Девушка возникла в свете фар внезапно – метрах в пятидесяти от машины. Корней ударил по тормозам и, уходя от столкновения, дёрнул руль вправо, а затем – сразу – влево. Антиюзовая система сработала безупречно. Автомобиль по плавной кривой, с нарастающим отрицательным ускорением обогнул хрупкую фигурку – в свете «галогенок» мелькнуло серебристо-ртутное платье девушки и её мраморные руки и ноги – и, несмотря на совершенно мокрый после недавнего проливного дождя асфальт, как вкопанный остановился на самом краю дороги. Двигатель заглох. На приборную доску гирляндой высыпали разноцветные огоньки. Корней глянул в левое зеркало. Невредимая девушка по-прежнему одиноко стояла посреди дороги в нескольких метрах позади машины. «Слава тебе... Адам Опель! – прочувственно поблагодарил Корней. – Да... Это не "девятка"...». Он живо представил себе – где бы он был сейчас, если бы попробовал совершить такой же маневр на своей старенькой «девятке», и зябко поёжился... «...Я! Хочу быть с тобой!.. Я так! Хочу быть с тобой...» – как ни в чём ни бывало, продолжал упрашивать надтреснуто-надрывный голос Бутусова. Корней ткнул в кнопку чейнджера. Музыка оборвалась, и стало слышно, как с тихим шорохом вентилятор гонит тёплый воздух в салон. Корней выключил зажигание, отстегнул ремень и уже взялся было за ручку двери, когда внутри у него проснулся и заёрзал профессиональный червячок: «Ахтунг! Подстава!...». Корней ещё раз посмотрел в зеркало – в рубиновом свете габаритов фигура девушки смотрелась достаточно зловеще. Корней глянул вправо – в окне, сразу за кюветом, непроницаемо чернела мрачная стена леса. Несмотря на близость города, место было совершенно глухое, в радиусе километров трёх – Корней это знал – не было ни одного населённого пункта. «Спокойно...» – подумал Корней. Он не слышал про случаи дорожных грабежей уже давно – с лихих девяностых, но, как говорится: «Бережёного Бог...». Первым делом он опустил «солдатику» на своей двери – отчётливо щёлкнул центральный замок. Потом, распустив «молнию» на ветровке, Корней сунул руку подмышку и, расстегнув кобуру, слегка подтолкнул вверх тёплую рубчатую рукоять.

(продолжение на стр.10).

Владимир Юринов

Корней

РАССКАЗ

После этого он запустил двигатель, включил заднюю передачу и, сдав назад и поравнявшись с девушкой, внимательно рассмотрел её через окно. Девушка стояла всё в той же позе – обхватив себя руками за плечи, только повернувшись теперь лицом к машине. Она была абсолютно мокрая: блестящие чёрные волосы длинными сосульками лежали на плечах и свисали на бледное лицо с невероятно огромными, просто-таки мультяшными глазами; короткое платье, скорее даже не платье – полупрозрачная сорочка – облепляла её бёдра и живот; под сорочкой, как показалось Корнею, больше ничего не было. «Нет, что-то не похоже на подставу», – подумал Корней и приотпустил стекло – холодный ночной воздух тут же по-хозяйски ворвался в салон.

– Жить надоело?.. – задал Корней вполне ритуальный в подобной ситуации вопрос.

Девушка, не спуская своих глаз с Корнея, осторожно покачала головой, а потом, как будто подумав, что этого жеста будет недостаточно, замотала головой так, что сосульки разлетелись во все стороны, и несколько капель воды даже попало Корнею на лицо.

– Ты откуда такая?.. Тебе помощь нужна? («Ю о'кей?») – вспомнил он всегдашний вопрос американских фильмов и невольно ухмыльнулся.

Девушка, последовательно отвечая на вопросы, сначала показала рукой куда-то через крышу машины, а потом – так же интенсивно как крутила – закивала головой.

«Немая, что ли? – подумал Корней. – Нет, точно не подстава...».

Он поставил машину на «ручник», разблокировал двери и вышел из машины.

Налетевший ветер сразу же раздул полы его куртки, запустив свои холодные пальцы под рубашку. «Да, не май месяц...» – подумал Корней, запахивая ветровку и внимательно оглядываясь вокруг. Мокрое пустое шоссе убегало в обе стороны в темноту. Впереди, над чёрными холмами, на низких пепельных тучах лежал бледный отсвет близких уже городских огней. Тревожно шумел по обе стороны дороги глухой, абсолютно разбойничий лес. Корней захлопнул дверцу и только теперь заметил, что девушка к тому же ещё и боса.

– Так... – крикнул Корней и, решительно шагнув вперёд, взял девушку за мокрые плечи. – Давай-ка в машину, а там разберёмся.

Он повёл её сзади вокруг машины – девушку ощутимо трясло – и выйдя из света габаритов на обочину, ещё раз пристально оглядел местность. Кювет, на сколько позволяла его рассмотреть темнота, был пуст, да и лес был не так уж и близок – от машины до ближайших, угрожающе раскачивающихся чёрными зубчатыми вершинами, елей было метров пятнадцать.

Корней открыл переднюю дверь:

– Садись... Нет, стой!.. – он нырнул в «бардачок», и, выдернув оттуда полиэтиленовый пакет, постелил его на сидение. – Садись.

Девушка неловко забралась в салон и села, выпрямив спину, не касаясь спинки сидения и всё так же обнимая себя руками за плечи.

Корней быстро обогнул машину, втиснулся за руль и первым делом вывел температуру в салоне на максимум.

– Пристегнись, – повернулся он к девушке.

Та никак не отреагировала, как будто не слышала Корнея, и продолжала не мигая смотреть сквозь лобовое стекло.

– Ладно... – Корней пожевал нижнюю губу. – Тогда поехали.

Машина тронулась. От толчка девушка откинулась на спинку сидения и опять застыла, неотрывно глядя прямо перед собой. Некоторое время Корней соображал.

– Тебя как зовут? – скорее по инерции спросил он.

– Суок, – ответила девушка, и от неожиданности Корней даже вздрогнул. Голос у Суок оказался мягким и нежным, в нём как будто перезванивались серебряные колокольчики.

– Ну, слава тебе, господи, а я уж было подумал, что ты – немая, – Корней, скрывая свой невольный испуг, деланно рассмеялся. – Суок... Красивое имя... Кукла наследника Тутти?

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

Девушка молчала.

– А фамилия у тебя есть? – привычно включился Корней в работу.

– Фамилия?.. Семья?.. Нет... Нету... Я последняя, – Суок отвечала, делая паузы между словами, как будто тщательно продумывала ответы.

– Да не семья. Фамилия... – Корней снял правую руку с руля и неопределённо покрутил пальцами в воздухе. – Ну... Другое имя... Прозвище... Сюрнейм... – объяснить, что такое фамилия, оказалось неожиданно трудно.

– Несравненная, – тихо сказала Суок.

– Как?!.. – Корней аж забыл следить за дорогой.

– Несравненная, – громче и твёрже произнесла Суок, и в голосе её прорезалась даже какая-то гордость.

– Это – фамилия? – на всякий случай уточнился Корней.

– Другое имя... Фамилия... Да.

– А что. Бывает... – Корней оживился. – Мы два года назад домушника искали. Так тот был – Дырчатый. Мы думали – кликуха такая, перетрясли всю картотеку – ничего, а оказалось – фамилия. Чисто случайно кто-то в телефонной книге обнаружил. Он и жил, оказывается, в нашем же районе...

– Дырчатый?.. Не знаю, – Суок грустно покачала головой.

Корней осёкся.

– Действительно... Где ж тебе...

Они замолчали.

По обеим сторонам дороги уже тянулись пригороды. Промелькнула первая встречная – такси. На дороге стало больше выбоин, до краёв залитых чёрной блестящей водой. Корней сбросил скорость. Мокрый асфальт жирно блестел, отражая бледно-морковный свет фонарей. На глухих, безглазых, каких-то мутных улицах не было видно ни души.

– Ты как на дороге-то оказалась?.. Ограбили?

Суок повернула к нему лицо.

– Искала людей.

– Тебя ограбили? Ты на машине была? Сколько их было?

– ...Мне было плохо... Я искала людей.

– Ну, это понятно, что было плохо. Ты в лесу-то как оказалась?

– ...Я не оказалась... Я – нимфа.

– Кто?!..

– Я – нимфа... Я живу в лесу.

«Упс! – подумал Корней. – Приехали... Скинхеды, готы, эмочки... теперь вот ещё и нимфы...».

– Слушай сюда, нимфа, – Корней, зло вращая руль, выкручивал на объездную, – ты мне мозги не полощи, у меня и своих тараканов хватает... – он повернул голову и наткнулся на распахнутые глазищи Суок. – Ладно, ладно... Не переживай... Нимфа, так нимфа. Сейчас приедем в отделение – разберёмся.

– Не надо в отделение! – вдруг взвилась Суок. – Не надо в отделение!! Не хочу!.. Пожалуйста... – уже тихо добавила она, опуская голову.

Корней озадаченно посмотрел на неё.

– Странная ты...

Он вдруг представил себе Суок за решёткой в вонючем «обезьяннике» и понял, что, действительно, в отделение лучше не надо.

– Может тебя домой отвезти? Ты где живёшь? Ты местная?

Суок помолчала.

– Я – нимфа, – опять тихо сказала она.

– А, ну да, прости, я забыл. Редко общаюсь с нимфами, – Корней вдруг преисполнился сарказмом. – «И под каждым, под кустом ей готов и стол и дом»... Так может я тебя зря из леса-то забрал? Ещё не поздно вернуться...

– ...Возьми меня к себе.

– Что? – Корней не расслышал.

– Возьми меня к себе, – повторила Суок.

Машина вильнула.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 11).

– ...В смысле? – Корней изумлённо посмотрел на Суок – та сидела, низко опустив голову, – мокрые волосы свисали, закрывая лицо.

– ...К себе... Домой... Я не могу одна.

Корней с минуту соображал.

– Тебя бросили?.. Или ты сама ушла?

– ...Бросили... Да, меня бросили! – Суок откинула волосы с лица и опять уставилась на Корней своими глазницами. – Я не могу, когда в меня никто не верит! Я умираю!! Вы понимаете?! Я не могу одна!! Мне надо, чтобы в меня хоть кто-то верил!..

– Всё, тихо, тихо... Успокойся... – Корней опасно покосился на неё. – Я в тебя верю.

– Правда? – Суок сразу «бросила обороты».

– Конечно правда, – Корней был практически искренен. – Ну как в тебя не верить? Ты ведь – вон какая!.. Несравненная!..

– ...Спасибо... – Суок всё ещё смотрела на него, и теперь в её глазах не было ничего, кроме благодарности. – Так ты возьмёшь меня?

– Куда?!

– К себе.

– К себе...

«А может и вправду – завести её домой? – подумал Корней. – Зинка сегодня – в ночную...».

Он скосил глаза – в полусумраке матово светились обнажённые колени Суок. В общем-то, Корней никогда не был особо склонен к адюльтерам. Его жена – Зинаида Андреевна, как он её обычно величал – слыла мудрой женщиной. Она была на пять лет старше Корнея, женила его – сопливого выпускника школы милиции – на себе, родила ему двух замечательных сыновей, уверенно провела семейный корабль сквозь все шторма и штиты, да и теперь руку на семейном пульсе держала очень крепко. Нет, Корней не жаловался. Зинаида его устраивала во всём: она была прекрасная мать и хозяйка, в доме всегда царили чистота и уют, ночными головными болями она тоже никогда не страдала, да и выглядела сейчас в свои сорок семь – молодым на зависть. Так что причин бегать «налево» у Корнея не было, и если бы какой-нибудь дотошный исследователь его биографии озаботился сосчитать все подобные случаи, то вышло бы их – всего ничего, да и те, что были, представляли из себя, пожалуй, не столько факт супружеской измены, а сколько – и скорее – неизбежный продукт непростой служебной деятельности. Тем не менее реакцию своей «половины» на появление в доме подобной «нимфы» Корней себе представлял очень живо. Он в цветах и красках нарисовал себе сюрреалистическую картину «Те же и Зинаида...» и даже заёрзал на сидении...

– Нет, – твёрдо сказал он, – ко мне мы не поедим.

– Почему? – в голосе Суок прозвучало искреннее удивление.

– Да потому что я женат! – раздражённо сказал Корней. – Жена у меня, понимаешь?!..

– Я тоже хочу быть твоей женой...

Корней рассмеялся.

– Ты это моей Зинаиде Андреевне скажи.

– Это – жена?

– Это – жена! – Корней выделил ударением оба слова.

– Разве плохо когда две жены?

– Не знаю... – пробормотал Корней, он наконец вырулил на проспект и облегчённо прибавил газу. – ...Не пробовал.

«Чёрт... Ну и куда мне её?.. – Корней вяло перебирал варианты. Вариантов было совсем немного. – Нет, придётся, наверное, всё-таки – в отделение...».

– ...Что?

– ...Это прекрасно... – мечтательно говорила Суок. – Мы все любили друг друга. Мы жили все одной большой семьёй... Это было очень весело...

– Ну да, – подтвердил Корней, – это мы проходили: травка, «экстези», свободная любовь, а потом – аборт, сифилис или – ещё хуже – СПИД.

– Я не понимаю...

В качестве иллюстраций использованы рисунки Нади Рушевой.

(продолжение в №5)

Выходит 1 раз в месяц.

Бесплатно, в том числе в электронном варианте.

Подписано в печать 20.03.2012 года

СВЕТЛЯЧОК

Печатный орган литературного клуба «Светлячок» при Андреапольской ЦБС (директор Белякова Н.В.)
 Ответственный за выпуск: Петрова М.А. (председатель литературного клуба «Светлячок»)
 Технический редактор: Афанасьева Е.Н.

Тираж – 150 экз.

Адрес редакции: 172800

г. Андреаполь, пл. Ленина, д.1.

Электронный адрес: andkniga@andrapol.tver.ru
 web-сайт: andrapol.tverlib.ru